

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ПОКРОВИТЕЛЬ

НАТАЛЬЯ ШАГАЕВА

Оттенки прошлого

Наталья Шагаева

Покровитель

«Автор»

2020

Шагаева Н.

Покровитель / Н. Шагаева — «Автор», 2020 — (Оттенки прошлого)

Я продаю себя. ОН берет все, что хочет, диктуя условия, щедро за это рассчитываясь. Только «содержанка» звучит унижительно. А «покровитель» — благородно. В наших отношениях я чувствую себя продажной женщиной. — Мы не переходим границ, никаких чувств и развития отношений, никаких претензий и привязанностей. Ничего, кроме сексуальной связи, между нами никогда не будет! Советую это запомнить, повторять как мантру, и не питать иллюзий на этот счёт! — предупреждал ОН. — Этого никогда не будет! — уверенно отвечала Я. — Зафиксируй эту мысль, Елена! — Я зафиксировала, выжгла эти слова в своей памяти и теперь они не дают мне спокойно дышать. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наталья Шагаева

Покровитель

Глава 1

История Виталия из романа «Прости и Спаси»

Серия «Оттенки прошлого» (про разных героев) Романы можно читать отдельно!

Виталий

У кого-то день начинается с кофе, у кого-то – с душа, а у меня – с пятиминутки с самим собой. Просыпаюсь я без будильника ровно в половину седьмого, ни минутой раньше, ни минутой позже. Мои биологические часы работают бесперебойно. Неважно, во сколько я лег спать и неважно, сколько часов проспал. Я давно не пользуюсь будильником и не смотрю на часы – я точно знаю который час. Каждый день, в течение шести лет, я лежу несколько минут в кровати и изучаю зеркальный потолок. Я смотрю себе в глаза. И каждый божий день задаюсь вопросом – зачем существую, на кой черт мне новый день?

Вы когда-нибудь задумывались, насколько скоротечно время? Оно несется на предельной скорости, без остановок и передышек, не давая нам возможности притормозить. А я бы все отдал, чтобы отмотать его назад и изменить всего лишь пять минут своей жизни. Каких-то чертовых пять минут, которые разделили мою жизнь на «до» и «после». «До» – я был совсем другим человеком, тем, кого уже давно нет, а «после» – от меня прежнего ничего осталось.

И вот лежу я, смотрю на небритого мужика в большой кровати и пытаюсь понять, зачем ему нужен этот день. Все цели достигнуты, все враги уничтожены и похоронены, вершины покорены, так зачем кто-то свыше дал мне этот день?! Вопрос риторический, никто на него не ответит. Ухмыляюсь ублюдку в зеркало, беру с тумбы пистолет, и целюсь ему в лоб в зеркальном отражении.

– Когда-нибудь я тебя уничтожу, – нажимаю на курок, раздается характерный щелчок, но выстрела не следует... пистолет не заряжен. – Я дарю тебе новый день, попытайся найти в нем смысл.

Поднимаюсь с кровати, первым делом иду на кухню и выпиваю стакан минеральной воды. Парадокс в том, что, несмотря на то что я не вижу смысла в своем существовании, я веду здоровый образ жизни. Иду в зал, включаю новостной канал на плазме, висящей на белой стене, несколько минут смотрю на утренний город в панорамное окно, а потом встаю на беговую дорожку. Пробегка, несколько силовых упражнений, чтобы не потерять форму, турник и можно начинать день. Занятия с утра не утомляют, а наоборот бодрят.

Быстро принимаю душ, выхожу из кабины и смотрю на себя в зеркало. Я не бреюсь уже давно, прикрывая шрам щетиной. Нет, я не отращиваю бороду, просто оставляю аккуратную, четко очерченную щетину. Ненавижу этот шрам, и не потому что он портит мою внешность, а потому что напоминает о дне, который я и так никогда не забуду. Каждый раз, когда смотрю на себя в зеркало, эта уродливая полоса возвращает меня в персональный кошмар.

Прохожу в гардероб. Надеваю белье, белую рубашку, запонки, часы и выбираю на сегодняшний день серый костюм. Спускаюсь вниз в кухню, поскольку мой пентхаус занимает два этажа. В моем возрасте уже положено жить в особняке. У меня есть целый загородный комплекс, но жить в своем доме я не хочу – это тоже отголоски и страхи прошлого. Вопреки представлению обо мне окружающих – во мне живут страхи.

– Доброе утро, Екатерина Михайловна, – здороваюсь со своей домработницей, которая подает мне завтрак.

– Доброе, Виталий Андреевич, – кивает женщина, подавая на стойку кашу, отдельно – орехи и мед.

– Как ваши дела? – интересуюсь я, замечая, что женщина сегодня выглядит неважно.

– Давление ночью подскочило, – жалуется она. – Но уже все хорошо.

– Так зачем же вы вышли на работу? С завтраком я бы и сам справился.

– Ну да, если я буду отлеживаться, то и вовсе расклеюсь. Движение – это жизнь. Мне лучше, когда я чем-то занята. В моем возрасте, знаете, можно и слечь.

– В каком таком возрасте? Не были бы вы замужем, я бы не упустил такую хозяйку, – шучу я. Женщина всегда остается девочкой, сколько бы лет ей не было. Екатерина Михайловна улыбается и краснеет.

– Скажите тоже! – отмахивается она. – А вот вам на самом деле стоило бы завести в этом доме настоящую хозяйку, – забывается женщина. Не хочу ее обижать, поэтому игнорирую ее слова и набираю номер водителя, прося приготовить машину.

Елена

Просыпаюсь по будильнику и хочется разбить его к чертовой матери. Невыносимо хочется спать, чувствую себя уставшей, несмотря на то, что только проснулась. – Еще пять минут, еще немного... Нет! Нужно вставать! Откидываю со злостью одеяло и встаю с кровати.

Доброе утро, совсем недоброе, особенно если вспомнить, что сегодня платить за ипотеку, надо купить матери лекарства, отдать деньги сыну в школу на добровольно-принудительные взносы и от зарплаты ничего не остается. А до маминой пенсии еще две недели. Накидываю халат и начинаю думать о вечерней подработке. Кристина вроде что-то обещала. Надо сегодня ей напомнить. Черт! Еще и коммуналку надо заплатить, будь она неладна! Закрываю глаза, глубоко вдыхаю и иду в комнату будить сына.

– Андрюшка! Дюша! Подъем! Опоздаем! – сын отворачивается к стенке и накрывается одеялом. Сажусь на кровать и потихоньку стаскиваю одеяло с сына и щекочу его.

– Ну, мам! – хнычет Андрей. – Можно я не пойду сегодня в школу?

– Нет, нельзя! Что мы скажем твоей учительнице?

– Скажем, я заболел, – сын открывает глаза и смотрит на меня с надеждой. А мне и жалко сына, и понимаю, что я его балую. Не хватает Андрюшке мужского воспитания, мы с мамой слишком мягкие. Иногда хочется рыдать, когда он засматривается на чужих отцов. Андрею нужно общаться с мужчинами, чему-то учиться у них, поэтому он постоянно смотрит боевики, и дружит с нашим соседом, пенсионером. Но папы в наше время редкость.

– Нет, Андрюша. Нельзя не ходить в школу среди недели... Давай ты не пойдешь в субботу? Там уроков мало и все незначительные.

– Обещаешь?

– Да, обещаю! А теперь вставай, умывайся, чисти зубы и одевайся, – указываю глазами на стул, где висит его форма, и иду в кухню готовить завтрак. Я не ем с утра, мне достаточно кофе со сливками, а вот ребенка надо кормить.

– Мам, ну зачем ты это делаешь?! – возмущаюсь я, когда застаю ее за приготовлением завтрака.

– Что же мне теперь лечь и умирать?! Я хочу быть полезной! – заявляет мать и пытается сделать вид, что все хорошо, хотя с трудом передвигается по кухне и каждое движение отдает болью.

– Будет очень полезно, если ты не будешь терпеть боль, и не усугубишь болезнь, истязая себя.

– Лен, ты и так крутишься, как белка в колесе, не думая о себе. А тут ещё и я не могу ничем помочь, а наоборот повисаю обузой.

– Мам, давай не будем начинать этот разговор. Все хорошо! Я привыкла к этому ритму жизни. Все скоро наладится. Тебя вылечим, мне сулит повышение, а там и зарплата выше и все будет у нас хорошо, – подбадриваю мать, даже улыбаюсь, хотя сама не верю в то, что говорю. Без операции мама так и будет жить на лекарствах, но на операцию очереди, да и еще реабилитация тоже не бесплатная. Повышение мне пока не грозит, поскольку начальник нашего отдела продвигает свою любовницу.

– Все, иди в душ, я сама накормлю Андрюшу, – мать пытается улыбнуться, но выходит плохо. А мне так ее жалко. Маме всего пятьдесят шесть, но проклятая болезнь делает ее немощной. Жизнь порой несправедлива к простым людям. Моя мама не имела вредных привычек, всегда вела правильный образ жизни, но болезнь не пощадила! А главное все упирается в гребаные деньги, которых у нас нет. И государство не поможет. Вокруг безразличные люди, которые строят умные лица и дают советы, а как мы будем жить дальше никого не волнует.

Думаете, врачам есть дело до пациентов, если вас лечат бесплатно? Нет! Это всего лишь их работа, для большинства рутинная и нелюбимая. Хуже маме стало именно из-за ошибки и бездействия врачей. Пока они лечили ее от несуществующего заболевания, настоящая болезнь прогрессировала и маме становилось только хуже! А эта система талонов и очередей вообще не работает. Нет денег на частные клиники – сдохни в очередях и никому нет до тебя дело.

Я работала и одновременно в перерывах бегала в чёртову поликлинику ругаться с врачами. Мать еле ходила, а они постоянно теряли ее карту и анализы, заставляя бегать и искать все самостоятельно. Никогда не забуду день, когда прибежала в поликлинику по звонку матери и застала ее плачущей возле регистратуры. Потеряли анализы, а без них специалист не принимал, пока их искали, прием доктора прошел, а следующий талон был только через две недели. И вот эти девушки в приемной хихикали, обсуждая какую-то вечеринку и платье одной из сотрудниц, совершенно не обращая внимания на мою мать. Тогда я устроила скандал в кабинете главного врача, заняла денег у подруги, и записала маму в платную клинику к доктору, которого расхваливали. Он помог нам только тем, что определил настоящее заболевание, но вытянул все деньги за половину ненужных обследований. Иногда я задумываюсь над тем – а можно ли считать доктора убийцей, если он неправильно поставил диагноз? В нашей стране – нет! Ты ничего не докажешь и не найдешь крайних.

Прохожу в душ, скидываю халат и встаю под теплый душ. Быстро моюсь, пытаюсь взбодриться и настроиться на новый день и новую борьбу. Все говорят, что я должна быть сильной, но никто не знает, что за кажущейся силой и характером где-то внутри меня живет маленькая девочка, которой больно и страшно. У этой девочки нет сил, она слабая, одинокая и постоянно плачет по ночам в подушку от безысходности, но каждое утро надевает на себя маску, броню и идет воевать с судьбой. Но противник сильнее и мне больше кажется, что я проигрываю.

Выхожу из душа и надеваю утягивающее белье. Да, я далеко не модель. Ну если только модель плюс. Моя фигура далека от идеала. Я всегда была склонна к полноте. В юности, все было не так плачевно. Я не была худышкой, но без излишеств. Даже гордилась пышной грудью и бедрами. Потом встретила Данила и все закрутилось... Встречи, влюбленность, свидания, секс, любовь, совместное проживание, общие интересы, друзья. Тогда казалось счастье будет вечным. Мой бывший муж казался идеальным. Такой высокий, красивый, парень. Какие правильные речи он произносил, какие планы строил. Как сладко заливал мне в уши сироп,

от которого я млела как идиотка. Он изначально обозначил, что наши отношения серьезные, говорил, что хочет семью, ребенка, большой дом.

«Какая пара!» – восхищались окружающие. Вот и сглазили! Где он теперь, этот идеальный правильный мужик, из-за которого я сейчас выплачиваю ипотеку и рашу сына одна?

Я отказываюсь понимать этот мир и мужчин. Хорошо, допустим, моему бывшему не нужна растолстевшая, с растяжками на животе женщина. Не завожу, не возбуждаю – это я могу понять. Я порой сама себе отвратительна. А ребенок здесь причем?! Никогда не думала, что может кинуть, предать и обокрасть человек, которого я считала самым родным. Как можно не интересоваться собственным ребёнком и даже скрываться от него где-то далеко?! Если вы думаете, что любят за душу и богатый внутренний мир, то вы ошибаетесь. Любят за красоту, фигуру, кружевные трусы и легкость. А от проблем, бытовухи и лишних килограммов бегут куда подальше. Зачем мужикам эти проблемы, когда можно все оставить и найти новую легкость и красоту?

Глава 2

Елена

Рабочий день начинается с ухмылок Александры. Не знаю, что со мной не так, но сегодня ее язвительность не скрытая. Она смотрит на меня с превосходством, цокает и ухмыляется. Так и хочется вылить на ее идеально белый костюм крепкий кофе, чтобы немного осадить ее язвительность. Малолетняя сучка пользуется тем, что качественно раздвигает ноги перед начальником нашего отдела, иногда и во время рабочего дня, то есть почти ничего не делает, а зарплату получает исправно, причем я подозреваю, что двойную. Больше возмущает, что девушка молодая и красивая, но продаёт себя старому козлу. Это та же самая проституция, но все предпочитают формулировку – любовники. В моем понимании любовника – это когда по любви, а не за деньги и протекцию.

Сажусь за рабочий стол, пытаюсь отстраниться от этой шлюшки. Проверяю, пришли ли препараты, которые я заказывала для мамы и выдыхаю, потому что все готово, осталось забрать лекарства после работы. Кристина, сидящая неподалеку, кидает в меня бумажкой, и указывает глазами на Александру. Пожимаю плечами и кривлю лицо, вызывая усмешку подруги. Пару часов работы проходит незаметно, я готовлю отчет и тщательно сверяю цифры. Спина болит – минус сидячей работы, по вечерам ноет все тело. Кристина ходит на массажи, а я пока не могу позволить себе такой роскоши, все деньги уходят на оплату квартиры. Оттуда и лишний вес, хроническая усталость, застои и головные боли по вечерам. Некоторые думают, что сидеть в одном положении целый день – шикарная работа и не понимают, почему мы устаем... Но меня мало волнует моя внешность. Я уже давно смирилась с лишними килограммами, есть проблемы гораздо важнее. А мужчины и личная жизнь – это что-то из разряда фантастики. Да и не хочу я, мне хватило бывшего мужа. И кому я нужна с сыном и больной матерью в придачу.

– Елена, зайдите к Федору Егоровичу, – приторно улыбаясь, сообщает мне Александра, вздергивая подбородок настолько сильно, что пошатывается на каблуках. А я ей еще помогала, вводила в курс дела, практически учила работе, которую она должна была знать. Ничего не отвечаю, поднимаюсь с места и собираю бумаги. – А кресло у вас старое и продавленное, что неудивительно, – вдруг заявляет стерва, осматривая меня. – Надо будет заменить.

– Откуда такая забота, Александра? Ты ударилась головой? – также язвительно спрашиваю я.

– Так я не о вас забочусь, Елена, – выгибаю брови и толкаю худощавую сучку плечом, направляясь в кабинет начальника. Стучусь. Меня приглашают пройти, и уже с порога мне не нравится слащавая фальшивая улыбка начальника. Они что сегодня сговорились? Или пока он трахал Александру, то в процессе они обсуждали меня?

– Добрый день, – произношу я, поправляя темно-синее строгое платье. Я одеваюсь в магазине, который находится в торце жилого дома. Вещи дешевые, на другие у меня просто нет денег, но всегда стараюсь подбирать что-то деловое, скрашивающее недостатки моей фигуры.

– Добрый, Елена, присаживайтесь, – указывает на стул, и я сажусь, а внутри нарастает какое-то тревожное предчувствие. Начальник откладывает бумаги, деловито складывает руки на столе и несколько секунд просто смотрит на меня. – Нам придется с вами попрощаться, Елена, – возникает пауза, а по моему телу проходит волна холода. – И лучше, если вы напишите заявление по собственному желанию, – добавляет начальник. А я ничего не понимаю, я работаю в этой компании два года, никогда не опаздывала, особых нареканий не было, на

мою работу никто не жаловался, даже наоборот, всех новеньких оправляли на обучение ко мне. Мне с большим трудом досталось это место, в эту компанию просто так не берут. Меня устроила Кристина, она за меня хлопотала и ручалась. Если я уволюсь, больше места с такой зарплатой и соцпакетом я не найду. В этой компании самые высокие заработки по моей профессии. Да, работы много и требований тоже, но это все вполне оправдывает доход. И я просто не могу уволиться!

– По какой причине? – спрашиваю я, пытаюсь держать лицо и не показывать паники, которая нарастает волнами. В голове уже крутятся новые поиски работы, ипотека, Андрюшка и мама. Мы и так еле сводим концы с концами, отказывая себе в простых вещах. Питание диетическое, одежда подешевле и только по необходимости, вкусности только на праздники, потому что я начала собирать матери на операцию. А что сейчас?!

– Ты совершила ошибку, – пододвигает ко мне папку с платежками. – И это чуть дороже не обошлось нашей компании. Скажи спасибо, что я вовремя это заметил, а то на тебя бы еще и огромный долг повесили.

– Где? – хватаю папку, начиная просматривать бумаги. – Этого не может быть, я пересчитывала несколько раз, – цифры расплываются перед глазами, но уже по верхней таблице я вижу, что ее составляла не я. Точнее кто-то заменил несколько цифр. – Это не мои расчеты! – поднимаю глаза на Федора Егорыча, и ловлю скептическую ухмылку.

– Ну конечно. А чьи же еще? Кроме тебя этим никто не занимался, я настолько тебе доверял, что даже не проверил перед отправкой. Сегодня на утреннем собрании глава нашей компании Виталий Андреевич приказал наказать виновных. Я тебя еще выгораживал, добиваясь увольнения по собственному, чтобы ты, дура, нашла себе другую работу. А она еще отнекивается, я бы на твоём месте молча собрал вещи и ушел по-тихому.

– Но я правда невиновна! Это не моя таблица, точнее моя, но я точно помню здесь другие цифры! – продолжаю оправдываться, немного повышая голос, потому что паника уже достигла пика. Я не могу потерять эту работу, тем более вот так – не по своей вине!

– Нет, вы посмотрите на нее! – уже кричит на меня начальник, поднимается с места и выдергивает из моих рук папку. – Я хотел по-хорошему. Либо ты сейчас пишешь по собственному, либо я увольняю тебя по статье! – я смотрю ему в глаза и начинаю соображать, в чем дело. Конечно, меня подставили, чтобы посадить на мое место Александру! Вот почему она ухмылялась все утро и интересовалась моим креслом. Внутри что-то щелкает, и я истерично усмехаюсь, поднимаясь со стула, вызывая удивление начальника.

– У нее же ума, как у утки! – смело выдаю я, потому что терять мне уже нечего.

– У кого? – делает вид, что не понимает.

– У любовницы вашей, которую вы ставите на мое место! Будете выполнять всю ее работу сами? – приподнимаю брови, и уже сама язвительно усмехаюсь, хотя к горлу поступает ком, и глаза уже давно щиплет от подступающих слез.

– Да что ты себе позволяешь! Я же могу сделать так, что тебя уборщицей никуда не возьмут, – сквозь зубы проговаривает начальник, потому что я попала в точку. Какая-то дешевая шлюшка посадила его на секс и теперь этот похотливый козел готов на все, лишь бы не лишиться ее рта и прочих прелестей. Меня просто тошнит от этого!

Ничего больше не говорю, сжимая губы, потому что статья мне ни к чему. Быстро выхожу из кабинета, но на эмоциях громко хлопаю дверью, так что все сотрудники оборачиваются. Но мне уже все равно, ничего не вижу. Меня накрывает злостью, яростью за то, что из-за чьих-то сексуальных утех я лишилась очень нужной мне работы, средств к существованию! Быстро подхожу к столу Александры, которая продолжает злорадно улыбаться, прикрывая улыбку рукой, хватаю ее кофе и заливаю все бумаги на ее столе! Горячий напиток попадает на ее белоснежные брюки, и она с визгом соскакивает с места!

– Ты ненормальная! – визжит эта потаскушка.

– Мою ненормальность еще можно вылечить, а вот твое бл*дство никогда! – я почти не ругаюсь, никогда и не при каких обстоятельствах, но сегодня в меня что-то вселяется, и я уже не слежу за словами и действиями. Когда рушится жизнь, уже не до правил приличия. Все, дальше мне хочется рыдать, поэтому я быстро ухожу в туалет, чтобы эти твари не видели моих слез.

Запираюсь в тесном туалете, облакачиваюсь на раковину и начинаю плакать, сначала тихо, почти беззвучно, чувствуя, как горячие слезы стекают по щекам. А потом вспоминаю, как мучается мама, о том, что обещала Андрюше на день рождения телефон, потому что у всех одноклассников есть, а у моего сына простой кнопочный, об ипотеке, и вою, закусывая собственную ладонь. Понимаю, что нужно успокоиться и выйти из этого здания с гордо поднятой головой, а не заплаканной, но ничего не могу с собой поделать. Рыдания вырываются сами по себе, и я уже никак не могу остановиться, наоборот внутри все рвется наружу, сдавливая грудь, перекрывая дыхание до Головокружения.

– Лен! Леночка, открой, пожалуйста! – слышу за дверью голос Кристины, пытаюсь утереть слезы, но размазываю дешевую косметику по лицу. Открываю подруге, и начинаю умываться, потому что глаза нещадно щиплет от попавшей туши.

– Тебя уволили?

– Да, – отвечаю я, шмыгая носом, беру бумажные полотенца и вытираю губную помаду.

– Почему? – спрашивает подруга, успокаивающе поглаживая меня по спине.

– Потому что кто-то учится, заканчивая институты с красным дипломом, набирается опыта, пашет, а кто-то умело отсасывает, не жалея горла, – Кристина прыскает от смеха и тут же делает серьезное лицо.

– Эта курица бежит там, как ошпаренная, – сообщает она. Полностью смываю косметику, промакиваю лицо полотенцем и облакачиваюсь на холодную кафельную стену, смотря в потолок.

– Что мне теперь делать? Я такой работы больше не найду. И все бы ничего, но матери срочно нужна операция, боли с каждым разом сильнее, она иногда воет по ночам в подушку, и я вместе с ней за стенкой. Квоты пока нет и очередь неимоверная... – выдыхаю я. – Я даже квартиру продать не могу, потому что она тоже пока не моя! – зажмуриваю глаза, понимая, что подруга и так все знает, да и у нее свои проблемы.

– А как он объяснил твое увольнение? – и я рассказываю про таблицы, про числа, чувствуя, как на меня обрушивается усталость, резко, волной, и накрывает беспомощностью и безысходностью.

– Так ты не виновата! И можешь это доказать?!

– Кому?! – горько усмехаюсь, качая головой.

– Как кому?! Главе, – Кристина указывает наверх, словно на Бога, хотя Виталий Андреевич занимает левое крыло.

– Думаешь, он ждет меня там? Нужна я ему. Меня даже не примут!

– Но ты же ничего не теряешь! – подруга загорается идеей. – А вдруг примет, а вдруг получится. Расскажешь ему про таблицы, докажешь, что все внесла правильно и это подстава, расскажешь про их шашни.

– Не знаю, я никогда с ним не сталкивалась. Но, говорят, он высокомерный и очень неприятный тип. Хотя, мне действительно нечего терять..., – выдыхаю я потому что внутри появляется маленькая надежда. Может, справедливость все-таки есть? – У тебя есть косметика? – спрашиваю я, поправляя прическу, перекидывая волосы на плечо, – Кристина кивает и выбегает из туалета. Ничего у меня не получится. Сказок не бывает, меня даже на порог кабинета

не впустят. Кто я такая! Но если не попробую, буду потом жалеть. Выхода у меня нет, иначе настанет очень черная полоса.

Глава 3

Виталий

Работа давно отлажена и идёт по схеме. Не нужно учиться управлять тысячами людей, нужно научить управлять ими других. В каждом отделе свой начальник и мне плевать, кто виноват, наказывается руководитель. Метод кнута и пряника самый эффективный. Никакого панибратства и дружбы с подчиненными, даже мой заместитель стоит в моем кабинете, переминаясь с ноги на ногу, и не сдвинется с места, пока я не прикажу. Никому нельзя доверять, иногда даже собственным ощущениям. Шесть лет назад я пустил пулю в лоб последнему человеку, которого считал своим другом и братом. У меня нет друзей и близких, есть только работа, она же моя мать, жена и любовница, которая периодически меня трахает. Я одиночка по жизни, социопат, меня напрягает общество, особенно когда вокруг одни шакалы, которые лъстят в глаза, стелются перед тобой, изображая друзей, но с удовольствием, за определенную плату, воткнув нож в спину. Нет преданных и верных людей, каждого можно купить и продать, вопрос в цене. И я сейчас не только про деньги. Есть и другие расценки: алчность, жалость, жажда жизни, страх, главное – к каждому найти подход.

Всего, что у меня есть, я добился сам. Да, не всегда честным путем, но это мои грехи, которые я брал и беру на душу, уже не считая. И я обязательно рассчитаюсь за них, отвечу за все, но только перед судом божьим. Хотя это все лирика, бывает, иногда что-то находит на меня, и я ухожу в высокие материи. От скуки, наверное ... Не верю я ни в Бога, ни в дьявола. Нет там ничего после смерти. Там полная темнота, и небытие – мы просто перестаем существовать. Никакой души, рая и ада – ничего. Печально, а всем так хочется верить, что жизнь вечна. Вера – самая сильная движущая сила на этой земле.

Пока подписываю накопившиеся бумаги, по ходу изучая их содержимое, секретарша стоит рядом, и я буквально чувствую ее напряжение. Юлия работает у меня совсем недавно и еще не привыкла ко мне. Моя старая секретарша ушла в декрет... нет, не по моей вине. Девушка напряжена, кажется, ещё чуть-чуть и она грохнется в обморок. Неужели, я такой страшный? Да, требую я много, но и плачу достойно. Не терплю безответственных и непрофессиональных людей. Все вокруг считают меня монстром, жестоким, циничным, бездушным, и я не спешу их переубеждать. Возможно, так и есть – я не умею жить по-другому. В моем мире нельзя давать слабину, иначе опустят на дно.

– У вас очень красивый почерк, почти каллиграфический, – выдает Юлия, когда я передаю ей подписанные бумаги. Ненавижу лезть и лизоблюдство, не терплю лжи и фальши. Выгибаю бровь, и девушка тушует, забирая бумаги, почти выходит из кабинета, но оборачивается, словно что-то вспоминая.

– К вам там просится женщина из финансового отдела.

– По вопросу?

– Не знаю, говорит, по личному.

– Я личные вопросы не решаю, – отвечаю я. – Передайте, что все вопросы – к ее непосредственному начальнику, – Юля кивает и быстро скрывается за дверь. Откидываюсь на кресло, набираю номер одного из партнеров и решаю рабочие вопросы. Через минуту дверь моего кабинета резко открывается и на пороге появляется женщина лет тридцати, а за ней вбегает Юлия, пытаясь преградить дорогу. Входит женщина уверенно, но, как только встречается со мной взглядом, останавливается теряясь.

– Виталий Андреевич, я объяснила, что вы заняты, – оправдывается Юлия, – Но она... – не находит слов, тыча в женщину пальцем.

– Я не займу много вашего времени, просто хочу, чтобы вы знали, что творится в вашей компании, – блондинка отодвигает мою секретаршу и проходит вглубь кабинета. На лице полная решимость и одновременно отчаянье. Становится интересно, что за этим стоит.

– Вернитесь к работе, Юлия, я разберусь, – моя секретарша кидает недовольный взгляд на блондинку и быстро выходит из кабинета, громко цокая каблуками.

– Представьтесь, – говорю женщине, замечая, как с нее слетает вся решимость.

– Меня зовут Елена, я работаю в финансовом отделе... точнее работала....

– Очень приятно, Елена, надеюсь, что у вас очень веская причина врываться в мой кабинет, – немного отодвигаюсь в кресле, принимая расслабленную позу, расставляя ноги.

– Вот, – женщина подходит ближе, опускает на мой стол платежку и тут же отступает от меня на несколько шагов, вызывая мою усмешку. Что же они шарахаются-то от меня? Что находят в моем взгляде? Неужели, все так плохо?

– Продолжайте, Елена, у вас есть пять минут, мое время дорого стоит, – потираю женщину. Она начинает что-то объяснять про цифры, расчеты, которые она сделала верно, но в платёжке ошибка, я внимательно слушаю, вникаю, и одновременно осматриваю блондинку детально. Обычная молодая женщина, милое лицо, светлая кожа, несколько веснушек на носу, резко очерченные губы, особенно верхняя. Не худышка, не модель, не пытается строить из себя гламурную дурочку, как это сейчас принято. Блондинка с формами, с шикарной грудью, не тяжелой и обвисшей, а с красивой, высокой. Возможно, в утягивающем белье – слишком плоский живот для ее комплекции. Тёмно-синее строгое платье, чуть ниже колена, красивые ноги в бежевом капроне и соблазнительные пышные бедра. Интересно, склоняю голову на бок, ловя себя на мысли, что хочу ее попробовать. Не знаю, что именно меня в ней привлекает. Елена – симпатичная, приятная, но обыкновенная женщина, каких тысячи, встретил бы такую на улице – не обратил внимание.

– Вы приказали наказать виновных, но я не совершала этой ошибки, – резюмирует блондинка. И голос у нее приятный, такой бархатный сексуальный.

– Я впервые слышу об этой платежке. Я не занимаюсь проверкой бумаг, – женщина замолкает и сводит брови.

– Тогда все понятно! – с возмущением заявляет она.

– Что вам понятно? – обращаю внимание на ее руки с аккуратным маникюром и бесцветным лаком. Люблю, когда у женщины ухоженные руки, без хищных ярких длинных ногтей.

– Дело в том, что Федор Егорыч имеет интимную связь с сотрудницей Александрой Селеной, он решил подставить меня, чтобы посадить ее на мою должность. Это не справедливо и... – блондинка немного задыхается и быстро моргает, чтобы не сорваться. В глазах обида и полное отчаянье, а на самом дне глаз безысходность.

– Очень интересно? С чего такие выводы?

– Все об этом знают, они особо не скрывают, – выдыхает женщина, словно у нее закончились силы, и устало осматривает мой кабинет, задерживая взгляд на чучеле полярной совы. Работа выполнена мастерски, кажется, что птица живая.

– А с чего я должен вам верить? Где доказательства, что это не ваша ошибка? Может, вы хотите подставить своего начальника? – я, конечно, поручу проверить эту информацию и почти верю этой женщине, потому что она за минуту грамотно разложила все по полочкам. Но ей необязательно об этом знать.

– Я не знаю... Я просто не могу потерять эту работу. У меня ипотека, сын и большая мама, – почти шепчет она, словно стыдно об этом говорить, но выхода нет. – Тем более я не

могу потерять работу, потому что начальник продвигает любовницу, – сам ненавижу, когда заводят интрижки на работе, и виновные будут наказаны.

– Меня должно это трогать?! – выгибаю брови, а блондинка закусывает губы и сжимает ладони.

– Нет, но... – теперь я понимаю, почему окружение считает меня циничной тварью. Она рассказывает мне о своих невзгодах, а я ищу в этом выгоду и нахожу, при этом рассматривая ее зад.

– Ты замужем? – перебиваю Елену, приводя в растерянность.

– Какое это имеет значение?

– Отвечай на вопрос! – встаю с места, прохожу мимо блондинки, улавливая легкий ягодный запах. Приятно.

– Нет, в разводе, – наливаю себе в баре холодной воды, добавляя льда, и возвращаюсь к столу, облокачиваясь на него. – По какой причине развелись? – интересуюсь я.

Была у меня одна особа в разводе, в итоге выяснилось, что страдает по мужу. Но я изначально выбрал неправильную тактику. С Вероникой я пытался выстроить отношения. Чего мне в принципе не нужно. Хотелось дать женщине лёгкую иллюзию. Сейчас я таких ошибок не совершу. Мне просто нужна любовница. Именно простая женщина, без запросов и замашек на будущее. К моему сожалению, не терплю шлюх. Противно. Какая бы девка не была элитная, шлюха есть шлюха, ее касались сотни мужиков. Не хочу охотниц за спонсорами. Они фальшивы насквозь, те же шлюшки, готовые за деньги изображать все, что угодно, и делать все, что прикажу. Случайные связи тоже не для меня. Мне нужна постоянная женщина. Секс – главная составляющая жизни. Секс – лучший антидепрессант, и средство для расслабления. Но заводить отношения, добиваясь и ухаживая за женщиной тоже не хочу. Та же Вероника показала, что это не для меня. Четыре года я имел Ларису и меня все устраивало. У нас была договоренность и четкие правила, все всех устраивало, пока моя любовница не захотела чего-то большего и не нашла себе мужика, который дал ей не просто финансовую стабильность, но и любовь и будущее.

– Не знаю я причину. Когда мой муж сбежал, он не объяснил, – кидает Елена, недовольно сверкая глазками. Ммм, она с характером, это даже забавно. В голосе явная ненависть и пренебрежение к бывшему. Уже хорошо.

– Есть постоянный мужчина, любовник, отношения, поклонник?

– Я не понимаю, какое это имеет отношение к делу. Меня только что уволили, незаслуженно, я прошу разобраться! – немного требовательно произносит Елена, а я думаю, какая она в постели.

– Если хочешь остаться в моей компании, то отвечай на вопросы! – требую я и ловлю взгляд Елены. Пауза. Глаза у нее всё-таки необычные, цвета виски с крапинками. Блондинка не выдерживает моего взгляда и отворачивается к окну.

– Нет у меня никого, не до этого!

– Хорошо, – удовлетворенно киваю я, отпиваю немного воды и играю льдом в бокале, продолжаю блуждать взглядом по ее телу. Осанка идеальная, щиколотки красивые. – У меня к тебе предложение. Я оставлю тебя на твоей должности, повышаю зарплату и решаю все твои финансовые трудности и не только финансовые, если такие имеются. А ты становишься моей постоянной любовницей, но на моих условиях.

– Что?! – резко поворачивается ко мне шокировано распахивая глаза. – Вы так просто мне это предлагает?!

– Не просто, а с условием, если ты устроишь меня в постели, и будешь соблюдать правила, которые я озвучу немного позже вне стен этого здания. А сейчас свободна! Возьми отгул, пока твое положение подвешено. Подумай, насколько велики твои проблемы и насколько ты хочешь их решить. Дашь мне ответ завтра вечером за ужином.

– А... Эм..., – Елена сглатывает, теряя дар речи.

– А если откажешься, пиши заявление и до свидания. Все, у меня встреча. Покинь кабинет! – Грубо? Жестко? Нечестно?! Да! Может быть, не спору. Я просто хочу получить желаемое и у меня нет времени на лишние разговоры и ухаживания за женщиной. Подхватываю Елену за предплечья и подталкиваю к двери.

– Я пишу заявление! – выходя из ступора, заявляет она. – Я не шлюха и не продаюсь!

– Не принимай поспешных решений. Адрес ресторана скину завтра сообщением, – спокойно говорю я, выставляя ее за дверь. ... Сажусь за стол, и нажимаю кнопку селектора. – Начальника фин.отдела ко мне – немедленно! И пусть прихватит личное дело женщины, которая только что была у меня!

Глава 4

Елена

Пью с мамой чай, рассказываю о препаратах, которые забирала из аптеки, и о том, как молоденький провизор чуть не перепутал наш препарат с другим. Киваю на ее возмущения, а самой выть хочется. Но истерика происходит где-то внутри меня, на лицо я надела маску повседневности. Сделала матери укол и ей сразу стало заметно легче, даже настроение изменилось. И как мне сказать ей, что, возможно, в следующем месяце нам придется выбирать между уколами и жильем или выбора вообще не будет.

Заявление я все-таки написала. Так гадко на душе от понимания, что все в нашем мире упирается в деньги, похоть, секс и никакой справедливости. Какого черта я поперлась к главе компании?! Неприятный тип, высокомерный, в глазах превосходство, что-то темное и пугающее, кажется, он смотрит в душу и выворачивает ее наизнанку. Мне с первого взгляда захотелось сбежать из его кабинета, стало не по себе в этом огромном холодном кабинете. Несмотря на то что помещение было довольно просторным, и панорамные окна добавляли пространства, от волнения спирало дыхание и казалось, что стены давят. Не знаю, что не так с этим мужчиной. Аронов холеный, ухоженный, в дорогом костюме, до блеска начищенных туфлях и четко очерченной щетиной. Да, у него есть шрам на щеке, которого почти не видно, и он совсем не портит внешности, наоборот добавляет брутальности. От него исходит аура опасности, что-то внутри подсказывает бежать от этого дьявола, как можно дальше и без оглядки. Я слышала о таких людях, которые пугали, отталкивали с первого взгляда, но никогда с такими не сталкивалась.

Выставила себя полной дурой, стояла, что-то доказывала, надеясь на справедливость, чувствуя, как хищные глаза скользят по моему телу. Он явно думал о чем угодно, только не о том, что я пытаюсь ему донести. Аронову было вообще плевать. Как же стыдно было рассказывать холеному сытому ублюдку о своих невзгодах. Но я думала не о себе, я готова была унижаться ради этой долбанной работы. Но становиться шлюхой – никогда. Мне кажется, он вообще издевался надо мной этим заявлением – стать его любовницей. Никогда не поверю, что такой мужик нуждается в любовницах! Видимо, Аронову было просто скучно, а тут я нарисовалась. Люди всегда на кого-то надеются – на врачей, на власть, на полицию – всем кажется, что, если обратишься к нужным людям, сразу станет легче и тебе помогут. Нет! Не станет! Вы никому не нужны!

Оставляю маму с Андрюшкой смотреть телевизор, а сама иду на кухню, делая вид, что убираю чашки и думаю, что делать. Безвыходных ситуаций не бывает. Рекомендаций мне, конечно, уже никто не даст, благо хоть уволилась не по статье. Оставляю чашки в раковине, облакачиваюсь на столешницу, смотрю на вечно капающий кран и никак не могу придумать, что делать дальше. Полная безысходность. Даже если случится чудо и в ближайшие дни я найду работу – прежней зарплаты уже не будет... две недели испытательный срок, не всегда оплачиваемый, потом ждать зарплату, придется занимать на ипотеку и прочие нужды. А как отдавать долги?

Злюсь, не знаю на кого. На начальника, на Аронова, на весь мир и суку-судьбу. Тру лицо руками, начиная нервно мыть посуду. Из полного отчаянья меня кидает в ярость на этот мир! В кармане домашних брюк вибрирует телефон, и я спешу ответить на звонок, поскольку звонит Кристина.

– Слушай, ты что будешь мартини или вино? – задумчиво спрашивает она, будто выбирая.

– Да ничего не надо, – сажусь на угловой кухонный диванчик.
– Почему? Тебе завтра не на работу, – усмехается подруга и я вместе с ней, но от отчаянья.
– Зато тебе на работу.
– Пффф, переживу как-нибудь. В общем, я беру две бутылки мартини, – сама решает подруга и скидывает звонок. Хотя, это хорошая идея. Мне нужно напиться, чтобы отключить мозг на этот вечер.

– Что, серьезно?! – вскрикивает Кристина, округляя глаза.
– Да тише ты! Мама и Андрюша спят. Да, серьезно, так и сказал. Прямым текстом, в лоб. И это совсем не было похоже на флирт, а больше на приказ, – рассказываю про свой поход в кабинет главы компании. Мы уже приговорили одну бутылку мартини, но нам мало, поэтому я открываю ещё и подрезаю мой любимый сыр с плесенью, который принесла Кристина. Я, к сожалению, не могу позволить себе таких излишеств.

– Охренеть! – удивление сменяется улыбкой, и она хитро прищуривает глаза. – А ты что? – с интересом спрашивает она.

– Я написала заявление и ушла. По факту завтра я должна подойти за документами. Да, прежде чем выпроводить меня за дверь, Аронов посоветовал мне подумать и дать ответ завтра за ужином, – отпиваю мартини, чувствуя, как кружится голова, и мое положение уже не кажется таким плачевным.

– И что ты наденешь на этот ужин? – так спокойно спрашивает Кристина, приоткрывает окно, впуская в кухню холодный воздух, и прикуривает тонкую сигарету.

– Ты меня слышишь?! Я никуда не пойду. Я не продаюсь! Ему было абсолютно плевать, что творится у него в компании, он рассматривал меня как шлюху! – возмущаюсь я, допивая мартини.

– Ну и дура! – вполне серьезно заявляет Кристина. – Если бы Аронов предложил это мне, я бы не задумываясь согласилась.

– Согласилась стать шлюшкой?!

– Ой, вот только не нужно этой морали. Если секс не по любви, это еще не проституция! Ты бы передумала пока не поздно. Я вообще не понимаю, от чего ты нос воротить? Таких шансов один на миллион, и то не факт.

– Ты преподносишь это как подарок судьбы, – усмехаюсь я, наливая нам еще. – Что с тобой?!

– Со мной все нормально, я реалист и трезво смотрю на этот мир, – заявляет подруга, прикуривая еще сигарету.

– Сказала она пьяным голосом, – прыскаю от смеха.

– Нет, послушай меня, – Кристина пьет и курит, уже устраиваясь на подоконнике.

– Ну вещай, где же здесь плюсы? – скептически кривлюсь я, чувствуя, как тело становится невесомым и мне почти хорошо.

– Ну, во-первых, много женщин мечтает отхватить такого, как Аронов. Возьмём, к примеру, сучку Александру, чтобы получить должность и обеспечение она отсасывает старому обрюзгшему Егорычу. Женатому! – добавляет подруга. – А Аронов не стар, не обременен браком, богат и влиятелен, – загибая пальцы, перечисляет Кристина. – Он предлагает тебе секс, которого, кстати, у тебя нет, и кто его знает, может, тебе и в этом повезет, и он окажется хорош в постели, – кажется Кристина уже не в себе. – Он ни женат, ни стар. И если присмотреться, то даже харизматичен. Аронов предлагает тебе работу, повышенную зарплату и решить все твои

проблемы. Для него ничего не стоит оплатить твоей матери операцию и реабилитацию. Решить вопрос с ипотекой, да и вообще у тебя появится много возможностей. Сделаешь ремонт, слетаешь в отпуск, в общем заживешь полноценной жизнью, не считая копейки. И что же для этого нужно? – саркастически спрашивает подруга. – Просто завести мужика, в котором ты в принципе нуждаешься.

– Не просто! Цитирую слова Аронова: «Если понравишься мне в постели и согласишься на мои условия!» – меня начинает злить беспечность и легкость подруги.

– Ну уж извини! Мужик хочет качественно трахаться на своих условиях. Может себе это позволить.

– Как бы ты это не расписывала, все равно это проституция. Я так не смогу. Я не такая.

– А жизнь, Леночка, она такая. Нужно подстраиваться, чтобы урвать жирный кусок. Если не ради себя, то ради близких. Ты, конечно, поступай как знаешь, но я бы не отказалась. Ну хотя бы сходила на ужин и узнала, каковы условия. Проституция – это когда сегодня один, а завтра другой. А когда один, неженатый и состоятельный – это любовники. А любовь и чувства – это все бред для подростков. Ну любила ты своего бывшего мужа и что? Или возьми меня – я же ради Славки на все была готова, потому что любила как идиотка, но ему оказалось мало моей любви... – Кристина кусает губы потому что Славик – ее больная тема, и она еще не излечилась.

– Не знаю, как-то это ненормально. Может, он просто издевался надо мной? Посмотри на меня, такие, как Аронов, таких, как я, не выбирают.

– Ой, вот только не нужно себя принижать! – Кристина соскакивает с подоконника, садится рядом со мной, и сама разливает martini. – Ты красивая, привлекательная женщина с формами! Не всем нравятся худые вешалки. Знаешь, как говорил мой папа – «Лучше плавать по волнам, чем биться об скалы»

– Ну да, – усмехаюсь я, чокаясь с подругой. Все это пьяные разговоры, а завтра мне искать новую работу, потому что ублажать Аронова я не собираюсь.

Маме я соврала, что взяла отгул. Не могу сказать ей правду. Отвела Андрюшку в школу, заскочила в кафетерий, взяла кофе и принялась рассматривать вакансии в интернете и рассылать резюме. Вот хорошая фирма и зарплата достойная, только вакансия открыта для виду, всех уже взяли по блату. Есть много предложений, где меня возьмут, но платят мало. Головная боль после вчерашних посиделок с Кристиной начала медленно отступать, и я направилась на бывшую работу забирать документы.

– Да почему вы не можете мне их отдать? – ничего не понимаю, но в отделе кадров отказываются отдать мне документы.

– Ваши документы забрал генеральный директор, – сухо сообщает мне женщина.

– И когда вернет?

– Не знаю, – она качает головой, начиная заниматься своими делами, прекращая обращать на меня внимание. Черт! Аронов вчера не шутил!

Выхожу на улицу, кутаюсь в пальто, соображая, что мне делать дальше. Он же дал мне выбор: либо увольнение, либо связь с ним. Я выбрала увольнение! Что ещё от меня нужно?! Возвращаюсь в холл компании, чтобы дождаться Крестину на обед и решить, что делать.

Получаю сообщение с адресом ресторана и временем. Он серьезно?! Набираю номер, с которого пришло смс, и долго слушаю монотонные гудки. Меня игнорируют, но я со злостью звоню и звоню вновь, пока мне не отвечают.

– Ты срываешь важную встречу. Надеюсь, на это есть веская причина? – холодно отвечает Аронов, а я в первые секунды теряюсь от его голоса. – Елена! – настойчиво зовет он, пока я

соображаю, что вообще хочу от этого человека. – Если ты не знаешь, где находится ресторан, я пошлю за тобой машину.

– Отдайте мои документы. Я уволилась! – возникает пауза, я глухо слышу, как Аронов с кем-то общается, потом звук шагов, отдающий эхом.

– Судя по документам, ты умная женщина с высшим образованием. Не будь настолько глупа, не разочаровывай меня, – а я не знаю, что ответить, и как вообще реагировать на этого мужика. Я вообще не хочу с ним общаться! – Твои документы у меня. Восстановить ты их не сможешь. А даже если получится, я сделаю так, что тебя никуда возьмут, даже мыть полы.

– Да как вы смеете?! – захлебываюсь от возмущения, начиная задыхаться. – Сначала меня подставляют, чтобы уволить. А теперь шантажируют!

– Не кричи на меня! – резко обрывает он, таким тоном, что мне действительно не хочется больше разговаривать. – Ровно в семь тридцать я пришлю за тобой машину, – Аронов скидывает звонок, а я так и держу телефон возле уха и быстро моргаю, пытаясь не расплакаться.

Глава 5

Елена

Плохо, когда человек не привыкший принимать отказов, вдруг решил, что ему нужна именно я. И его уже ничем не остановить. Как говорит Кристина – это инстинкт охотника и чем больше я говорю «нет», тем больше он расставляет сетей. Я всё-таки собралась на этот чертов ужин, чтобы внятно, по буквам, объяснить этому зажавшемуся высокомерному мужику, что я не игрушка. Да и выбора у меня особо не было. Аронов загнал в жесткие рамки.

С одеждой я не заморачиваюсь. У меня нет цели понравиться. Поэтому надеваю простое, строгое платье ниже колен, с поясом, плотные колготки, ботильоны, собираю волосы в строгую причёску и наношу минимум косметики.

Пунктуальный гад. Ровно в половину восьмого к подъезду подъезжает черный тонированный «Мерседес». Мне приходит сухое сообщение с неизвестного номера о прибытии машины. Я не разбираюсь в марках, но, судя по тому что таких машин я видела мало, автомобиль не из дешевых. Вдыхаю, одёргиваю занавески, целую Андрюшку, прошу его помогать бабушке и иду в прихожую. Надеваю пальто, сегодня холодно, но в такой машине не замерзну. Не на общественном же транспорте еду.

Спускаюсь вниз, выхожу из подъезда, замираю на несколько секунд на крыльце, чувствуя себя героиней романа, все кажется таким нереальным и возмутительным. Как только сдвигаюсь с места, из машины сразу же выходит водитель. Высокий широкоплечий парень в костюме, даже не верится, что такие могут работать шестерками у Аронова. Он открывает мне дверь, ждет, когда я сяду. Чувствую себя неловко, потому что это перебор. Вся эта галантность и роскошь меня пугает. За все в жизни надо платить. Аронов мне вот это все – деньги, помощь – а что я могу дать ему равноценного взамен? Какова цена? Я не богиня секса, да и в общем – не та женщина, о которой мечтают. По большей части такие вот мужики пресыщены и когда им все надоедает, начинают искать себе всякие извращения. Черт! О чем я думаю! Я не лягу под Аронова!

Откидываю голову на спинку, дышу, смотря в окно. На секунду возникает мысль принять предложение Аронова. Может, жизнь станет немного легче? Маму вылечат... Взамен всего лишь надо отдать тело. Не очень-то высокая цена за здоровье матери и радость сына. Бывшему мужу я отдала душу, а взамен получила лишь проблемы, боль и разочарования.

Машина останавливается, встряхиваю головой, выгоняя бредовые мысли. Не смогу я продавать себя. И дело даже не в моральных принципах. Нужно будет перешагнуть через себя. Водитель распахивает дверь и идёт к ресторану вместе со мной. В холле нас встречает хостес и провожает в большой зал с отдельными зонами. Каждый столик отгорожен от соседнего деревянной витражной ширмой, создавая иллюзию интимности. Никогда не была в таких местах. Теплые пастельные тона в оформлении, замысловатые светильники, столики, накрытые кружевными скатертями, пахнет корицей и выпечкой. Вокруг ужинают люди, и медленно расходятся официанты. Представляю, какие здесь цены. Чувствую себя неуютно и неуверенно. Особенно когда мимо проходящая женщина окидывает меня пренебрежительным взглядом. Такая холеная дама, пахнущая дорогими духами, сверкающая бриллиантами, в платье, которое стоит как весь мой гардероб в общем. Такие люди сразу отмечают бренды, сканируя их стоимость. Меня подводят к самой дальней зоне, и я задерживаю дыхание при виде Аронова. В черном

костюме и черной рубашке с воротником стойкой он похож на католического проповедника. Но улыбка полная превосходства и надменный взгляд говорит о том, что Аронов дьявол.

Мужчина встает, отодвигает для меня стул, помогает сесть. Вдыхаю, начиная нервно гладить края льняной салфетки.

– Выпей воды, – не здороваясь, предлагает Аронов. Делаю глоток холодной минералки, но это мало помогает, желание сбежать усиливается. – Дыши, глубокий вдох и медленный выдох, – он вполне расслаблен. Руки на подлокотниках кресла, рассматривает меня, вызывая ещё больший дискомфорт. Дышу, мне действительно нужно собраться. Аронов берет меню, и я только сейчас замечаю на его руках круглые шрамы. Это не отталкивает, но страшно от их количества, какие-то бледные и почти незаметные, но несколько штук ярко выраженные. Даже не представляю, при каких обстоятельствах их можно получить. А шрам на щеке явно резаный. Может, авария. Да какое мне дело! Руки у него и без шрамов страшные. Большие ладони со вздутыми венами, уходящими под рукава рубашки, кажется, ему не составит труда свернуть мне шею.

– Ты хочешь, чтобы я заказал ужин на свой вкус?

– Что?

– Ты не смотришь в меню.

– Я не голодна и не планирую здесь долго задержаться! – заявляю я, вызывая его снисходительную ухмылку.

– Хорошо, поедим позже, для начала поговорим, – самоуверенно заявляет Аронов, и заказывает вина. А ведь он даже не рассматривает вариант моего отказа. Нам разливают красное вино и приносят сырную нарезку.

– Итак? – самоуверенный дьявол делает жест рукой, предлагая мне начать разговор, а я смотрю на его массивные часы и вспоминаю, что видела такие в журнале за баснословную сумму.

– Вчера вы предоставили мне выбор, сегодня отобрали, это нечестно. Я уволилась, показав тем самым, что не принимаю ваше предложение. Отдайте, пожалуйста, мои документы, мне срочно нужно найти другую работу. От меня зависят мои близкие, – на одном дыхании выдаю я и отпиваю большой глоток вина.

– Вот. В точку, Елена. Я хочу снять с тебя эти обременения и зависимости. Женщина должна чувствовать себя легко и не брать на себя так много.

– А вы прям добрый меценат? – с губ срывается ироничное замечание.

– Все в жизни имеет цену, – спокойно отвечает Аронов.

– Не все, – огрызаюсь, мне почему-то хочется с ним воевать.

– Все, Елена, – допивает вино, указывает жестом руки стоящему неподалеку официанту, призывая наполнить нам бокалы. Я только сейчас замечаю, что все это время в нескольких метрах от нас стоит парень и готов прислуживать в любое время. Это все непривычно и неудобно. – Даже в браке, в каждой семье потребительские отношения. Обязанность мужа – обеспечивать семью, а женщины – воспитывать детей и создавать уют.

– Не во всех семьях так, – отвечаю я и ловлю себя на мысли, что веду с Ароновым беседу, когда вообще этого не планировала, и он уже не кажется таким пугающим. Хотя его глаза... они... не могу найти определение. Безжизненные что ли. Ухмыляется он только губами.

– В крепких и счастливых – так. Если этого нет, цепь нарушается и такой брак долго не существует, – не спорю, потому что это правда. Я родила ребенка и создавала уют, а вот мой муж не справился со своими обязанностями, и все развалилось. – Вот видишь, я прав, – словно читая мои мысли, говорит мужчина.

– Я не могу продавать себя. Я не... – замолкаю, отпивая вина

– Шлюха, проститутка, женщина с низкой социальной ответственностью? – заканчивает он за меня.

– Да, я не такая!

– Проблема в том, что я брезгую шлюх, даже самых элитных. От них за версту несет грязным сексом. Я не могу себя пересилить. Поэтому мне нужна простая нормальная женщина. И я выбрал тебя! – он преподносит это как Манну небесную.

– Не пробовали просто завести себе женщину, без принуждения? – ловлю себя на том, что мне нравится спорить с этим высокомерным мужиком. Боюсь признаться, но это будоражит, словно я играю с хищником. Знаю, что при удобном случае он свернет мне шею, но рискую, входя в азарт.

– Пробовал, – все мои выпады он принимает снисходительно, словно капризы ребенка. – Но понял, что это не для меня. Разучился ухаживать и искать подход к женщине. Разучился отвоевывать, хотя старался, но понял, что не хочу.

– Ну да, проще шантажом получить все, что хотите. Это вас заводит? – зло выпаливаю я, вызывая его усмешку.

– Я тебя еще не шантажировал, если начну, будешь плакать, – серьезного отвечает он холодным резким тоном, от которого идет дрожь по телу. Сглатываю, залпом выпивая вино.

– Просто отдайте мои документы, – прошу я.

– Документы останутся в отделе кадров. Подумай хорошо над моим предложением. Твоей матери нужна операция и протезы, пока вы ждете квот, которых может не случиться, боли усиливаются и идет привыкание к обезболивающему. Дальше будет только хуже, – по телу идут мурашки от того, насколько он изучил мою жизнь за такой короткий срок. – Сыну тоже нужно дать все самое лучшее. Если не платить за жильё, квартиру могут продать с торгов и все взносы за последние пять лет сгорят. Невеселые перспективы, да? Но это все может закончиться уже завтра! Даю тебе время все обдумать за ужином, – он щелкает пальцем и нам вновь подают меню. Аронов делает заказ, поскольку я даже не смотрю на список блюд с заоблачными ценами.

– Вам же нужны отношения на определенных условиях?

– Мне не нужны отношения. Мне нужна женщина для секса, встреч и иногда для сопрождения на мероприятия. Условия мы обсудим при твоём согласии.

– Вы не оставляете мне выбора, давите на больное, – с сожалением говорю я. А в голове пульсируют его слова о матери и операции. Аронов прав, чем дольше мы тянем, тем больше мучается моя мамочка. А я тут сижу и торгуюсь. Тело мне жалко. Да кому оно вообще нужно это тело! Я скажу «да» и завтра закончится весь этот ад, мама вздохнет с облегчением, сын будет чаще улыбаться. Ад закончится, но придется отдать себя в руки дьявола. Перевожу взгляд на Виталия – чего он потребует?

– Мне нужно знать условия, – язвить уже не хочется, накатывает усталость и реальность, в которой правят рыночные отношения.

– Это значит – да? – его бровь взлетает вверх, а на лицо надевается маска триумфа.

– Это значит, что я хочу узнать условия, – устало говорю я, рассматривая содержимое тарелки. Красная рыба, соус, овощи на гриле. Пахнет великолепно, но есть не хочется и я опять отпиваю вина.

– Хорошо, это справедливо, – сдерживаю усмешку. Слово «справедливость» в данной ситуации неуместно.

– Секс – ты делаешь всё, что я хочу, и должна быть всегда готова, в любое время суток, – округляю глаза, но Аронов с кривоватой полуулыбкой выставляет руку, призывая меня не фанатизировать. – Я не извращенец. Во всем есть пределы и границы. Я не попрошу ничего такого, что ты не сможешь мне дать. Не нужно переоценивать мои возможности – по десять раз в день тебя мучить не буду. Я воспринимаю секс как потребность и метод расслабления, иногда

бывают моменты, когда мне очень нужно забыться, и я могу потребовать тебя в любое время. Отказаться ты можешь, только в случае если больна.

– Вас устроит женщина, которая не будет получать с вами удовольствие? – и Аронов смеется, словно сказала глупость. Его это забавляет. Ну конечно, ему же плевать на меня, я, наверное, должна кончать от денег, которые он мне даст. Мужчина резко подается ко мне и окутывает меня холодным немного мятным запахом. Отвожу взгляд, поскольку не могу выдерживать глубины его глаз. Очень тяжелый взгляд.

– С чего ты взяла, что не получишь от этого удовольствие? – понижая голос спрашивает он.

– Может, я фригидная? – кидаю ему и вижу вызов в глазах.

– Фригидных женщин не существует, к каждой можно найти подход. И мы найдем твои слабости, если ты еще не изучила себя.

– А как же – «ты должна выполнять все, что я хочу»?

– Мы совместим мои желания и твое удовольствие, – самоуверенно заявляет он и по моему телу идет дрожь, но уже не от страха. Что-то горячее разливается по рукам и ногам. Может, потому что я никогда так откровенно не обсуждала секс с мужчиной, даже с мужем. Мы занимались любовью по факту, без обсуждений. А может, потому что у меня уже очень давно не было секса и телу плевать, что его продают, оно изголодалось по мужчине.

– Иногда я буду приглашать тебя на встречи, возможно, брать в поездки – отказы тоже не принимаются. И естественно, ты должна будешь заняться собой, гардеробом, чтобы выглядеть соответствующе, – мне только что намекнули, что я выгляжу плачевно. – Мы не переходим границ любовников, никаких чувств, и развития отношений, никаких претензий и привязанностей. Ничего большего, кроме сексуальной связи, между нами никогда не будет! Советую это запомнить, повторять как мантру, и не питать иллюзий на этот счет! – довольно серьезно проговаривает он. И теперь мне хочется рассмеяться. Он серьезно думает, что я захочу с ним чего-то большего?! Вот это самоуверенность!

– Этого никогда не будет! – уверенно отвечаю я.

– Зафиксируй эту мысль, Елена! – с нажимом говорит он. – На время нашей связи ты не должна иметь никаких других связей, даже намеков на других мужчин, но я обещаю тебе то же самое. Не люблю менять партнёров. Я стабилен в этом вопросе, – наверное, я должна сейчас визжать от восторга, но у меня возникает такое чувство, что я продаю себя в рабство. – Соответственно, я даю тебе все, в чем ты нуждаешься в финансовом плане и не только.

– Кажется, раньше это называлось содержанием. Вы предлагаете мне стать содержанкой? – я немного захмелела и осмелела.

– Я предлагаю стать твоим покровителем и решать все твои проблемы, – заявляет Виталий.

– Покровитель – красиво звучит, но то, что содержанка... не находишь это несправедливым? – тоже выгибаю бровь.

– Все зависит от твоего восприятия, Елена. Отпусти ситуацию, и отдай управление мне. Кстати, это тоже одно из условий. Иногда я буду диктовать тебе условия, ты должна будешь принимать.

– А как же фраза – «если ты устроишь меня в постели»?

– Сейчас мы поедem ко мне и проведем тест на совместимость, – вливается в мои глаза своим тяжелым пугающим взглядом.

– Может, ещё контракт подпишем? – цокаю я.

– Мы заключим его словесно, и, поверь, при несоблюдении, я найду как взыскать с тебя неустойку.

– Не сомневаюсь!

– Прекрати общаться со мной в таком тоне и язвить. Я не терплю этого от женщины! – резко говорит он и мне действительно хочется заткнуться, поскольку в его глазах мелькает что-то темное и пугающее, что заставляет терять желание с ним спорить.

– Я так понял, ты не голодна? – указывает на мою нетронутую тарелку, отрицательно мотаю головой.

– Тогда поехали, – кидает салфетку на стол и поднимается с места.

– Я еще не согласилась.

– Согласилась, не нужно лукавить, – подставляет мне предплечье. Медлю, а потом обхватываю его руку. Все, я продалась. Должно стать легче, но мне становится страшно, словно я заключила сделку с дьяволом, и взамен он потребует гораздо больше, чем озвучил.

Глава 6

Виталий

Последние сутки в мою голову без разрешения и контроля врывается Елена. Нет, я не корю себя за эти мысли и не пытаюсь их гнать, тренируя силу воли. Я впускаю ее в себя, прокручивая в голове образ, голос, манеры, глубину глаз. Это интересно и крайне редко, когда мне настолько западает женщина. Значит я сделал правильный выбор. Как ни крути, любовницу нужно чувствовать. Не поверхностно ради похоти, а глубоко. Иначе не получится ей управлять и держать ее на коротком поводке. Парадокс в том, что мне нужна преданная любовница, которую я не впущу за свои пределы. Чтобы добиться такого результата, и очертить четкие границы, нужно хорошо узнать женщину, вплоть до того, о чем она думает перед сном. Даже если между нами будет только секс, женщина должна быть ценна, иначе какое удовольствие в том, что не представляет ценности. Несмотря на простоту, Елена своего рода уникальна: она ранимая, что я видел по ее уязвленному взгляду, но сильная, хотя правильной формулировкой было бы «выносливая». Не каждая женщина сможет тащить на себе больную мать, сына, ипотеку, работу, не сломавшись. Хотя по усталому взгляду и по отсутствию в нем блеска видно, что надлом уже близко.

Вчера ночью мне предоставили на Елену всю информацию. Где родилась, выросла, родители, учеба – все стандартно, как у всех. Вышла замуж, родила сына, продали старую однушку матери, внесли этими деньгами первый взнос за ипотеку. Да, молодой семье нужно просторное жилье, вот только в этом всем никак не прослеживалось участие ее бывшего мужа. Досье на него еще собираю, мне не нужны неожиданные сюрпризы. Как это бывает – у бывших особый нюх, они чувствуют, когда их жены находят себе мужчин. Муж скрылся в неизвестном направлении, а Елена тянет одна сына и больную мать. Вот такая доля у русских женщин. Мужики, сука, перевелись. Не представляю, как можно вот так подставить мать своего ребенка. Можно разлюбить женщину, можно развестись и уйти, но как можно бросить своего сына, не участвовать в его судьбе и воспитании – я не понимаю. Я полжизни отдал бы за сына.

Мы едем ко мне, я чувствую ее напряжение и волнение. Я не животное и, несмотря на то, что у меня давно не было секса, мог бы дать ей время привыкнуть ко мне и ее нынешнему статусу. Но я должен понять и прочувствовать ее. Елена слишком зажата и закомплексована. Это надо снимать. Мне нужна раскованная женщина, смело принимающая мои желания и игры. Нет, я не опустился до шантажа, как она думает. Если случится так, что Елена не раскроется и не примет меня, я оставлю ее на своей должности или отпущу на все четыре стороны. Просто у меня нет времени, да и желания на уговоры и обхаживание, женщина должна сразу принимать меня таким, какой я есть, без иллюзий и прикрас. Да, я диктатор, я доминирую в отношениях, но я не тиран. Женщина не должна страдать и мучиться рядом со мной, переступая через себя. Я еще сомневаюсь в Елене, поэтому мы едем ко мне. У меня много пунктов и убеждений, поэтому я не приемлю случайных связей и продажных женщин.

Машина заезжает в подземный гараж и паркуется на стоянке, прошу водителя ожидать, выхожу первый, открываю двери для Елены и подаю руку.

– Прекрати вести себя как девственница, мы взрослые люди, – усмехаюсь я, когда она медлит, не принимая моей руки. – Елена! – настаиваю, понижая голос, и она со злостью хватается за мою ладонь, сильно сжимает, показывая характер. Я пока давлю на нее, подталкивая

к положительным ответам. Ну, извини, солнце, по-другому никак. Не отпускаю ее руки, давая возможность привыкнуть к тактильным ощущениям. Это наше первое прикосновение. Кто-то подумает, что это пустяк, но это очень важно – если мне приятно держать женщину за руку, то и в постели тоже будет приятно. Веду ее к лифту, пропускаю вперед, нажимаю кнопку и лифт трогается. Елена отступает, прислоняясь к стенке, опускает глаза и рассматривает пол – хороший знак, как бы она не показывала зубки, она принимает мою власть.

Ввожу код, открывая дверь своей квартиры, прохожу первым лишь для того, чтобы снять сигнализацию и зажечь свет. Запираю двери, помогаю Елене снять пальто, шарфик, раздеваюсь сам и взмахом руки предлагаю ей пройти в гостиную. Пока она осматривается, внимательно изучая детали, я снимаю пиджак, аккуратно вешая его на стул, отстегиваю запонки, кидая их в вазу на столе, закатываю рукава, краем глаза замечая, что Елена уже наблюдает за мной и даже не дышит. Осматривает мои руки, немного хмурясь. Привыкай, золотце, знаю, это пугает, но я буду к тебе прикасаться этими руками.

– Можно вопрос? – немного робко спрашивает она, не отрывая глаз от моих шрамов на руках.

– Нет, я не расскажу, как я их приобрел, – поднимает на меня удивленные глаза. – Было нетрудно предугадать твой вопрос, – поясняю я. – Проходи, присаживайся, – указываю ей на бежевое кожаное кресло. – Выпьешь еще вина? – кивает, продолжая блуждать взглядом по моей квартире, задерживаясь на панорамном окне. Подхожу к бару, наливаю себе холодной минералки, а ей немного «Screaming Eagle» – хорошее вино для завершения вечера, ей должно понравиться фруктовое послевкусие. Протягиваю бокал и сажусь в кресло напротив.

– Мы будем встречаться здесь, на моей территории, если я, конечно, не захочу тебя в течение рабочего дня в своем кабинете или в машине, – она пытается не показывать реакции, но в глазах смятение. – Что такое? Что именно тебя смутило?

– Я ничего не говорила, – нервно отпивает вина и крутит бокал.

– Мне было достаточного твоего взгляда, чтобы понять, о чем ты думаешь, – Елена читает, не умеет скрывать эмоции и мне это нравится.

– Будь добра, ответь на мой вопрос. Мы же приехали сюда, чтобы быть откровенными, – скользнув взглядом по ее ногам, в черных плотных колготках, выше, к краю платья, которое она нервно поправляет. Натянута, как струна, и сейчас бесполезно просить расслабиться.

– Я не уверена, что секс на работе уместен. Да и в машине тоже, выдает она. – И вообще не уверена, что смогу дать вам все, что вы хотите.

– Обращайся ко мне на «ты», перешагни уже этот порог, – усмехаюсь, немного расслабляя ее. – Ну и где же уместен секс? – ставлю бокал на стеклянный журнальный столик, откидываюсь на спинку кресла, опуская руки на подлокотники. Чувствую напряжение в шее и плечах и легкую головную боль. – В кровати при выключенном свете в миссионерской позе? – выгибаю бровь, с интересом ожидая ответа.

– А если я отвечу «да», то все, не подхожу на роль любовницы?! – опять показывает зубки.

– Мы просто разговариваем, выясняя твои предпочтения, пределы и степень раскрепощенности. Расслабься и отвечай все, что чувствуешь, не нужно язвить и дерзить! – ловлю ее глаза, убеждая взглядом.

– Я занималась сексом только в кровати или на диване..., – возникает ощущение, что Елена не договаривает, словно хочет крикнуть «доволен!», но сдерживается. Хорошая девочка!

– Кровать – не самое удобное место для секса. Ну, не суть. Назови мне три неприемлемые вещи в сексе. Табу. То, что ты никогда не сделаешь.

– Это обязательно? – делает большой глоток вина и облизывает губы. Она не специально, просто слизала капельку вина, а меня зацепило. По телу прошло лёгкое желание. Хорошо.

– Да. Я хочу, чтобы ты наслаждалась процессом, а не терпела меня и ждала, когда все закончится, – ее дыхание учащается, пышная грудь начинает вздыматься и я ловлю себя на мысли, что хочу посмотреть на нее обнаженную, прямо сейчас. Хочу, чтобы отвечала на мои вопросы голой.

– Эм..., – я вижу, что ей есть, что сказать, но она никак не может подобрать слова.

– Просто скажи! – опять давлю, показывая недовольство.

– Анальный секс, унижения, минет, – выпаливает она, и прячет смущение за очередным глотком вина.

– С первыми двумя пунктами согласен, над третьим поработаем, мне нравятся твои губы. Думаю, это будет красиво смотреться, особенно если они будут покрашены яркой помадой, – не выдерживает, издает рваный вздох. Вот и ответ. Минет – это не ее табу, это ее предрассудки.

– Что ты сейчас чувствуешь?

– Чувствую себя униженной, – это неправда, она возбуждена, но не хочет этого показывать. После слов о ее губах, она сжала ноги и сглотнула. Чувствительная, любит ушами, значит управляемая.

– И чем же я тебя унизил?

– Всей ситуацией в целом! Ты не оставил мне выбора! – так обреченно произносит она, словно я продаю ее в рабство. – Я так не могу. Думала, что смогу, но прости – нет... – в голосе столько отчаянья, а все потому что она не привыкла к откровенным разговорам. На секунду задумываюсь – а нужно ли это мне? Елена же зажата, словно девственница. Не удивлюсь, если муж ее не удовлетворял. Она вот так зажималась, закрывалась и он захотел чего-то другого. Стандартная ситуация. Все мужики хотят невинных девочек, чтобы быть первыми, а учить потом этих девочек, открывать в них чувственность и страсть, будить женщину никто не хочет. И идут такие мужья по развратным девкам, получая свой грязный кайф. Идиоты. Вопрос в том, хочу ли я снимать с нее все эти барьеры и научить быть со мной предельно открытой и откровенной. На секунду задумываюсь...

– Разденься! Я хочу на тебя посмотреть.

– Просто отдай мне документы, – просит она, поднимаясь с кресла. Кажется, хочет сбегать от меня.

– Стоять! – поднимаюсь с кресла, в два шага преодолеваю между нами расстояние, хватаю Елену за плечи, разворачиваю к себе спиной и подталкиваю к матовому стилизованному зеркалу со станком. Это вещица сделана на заказ. Зеркало во всю стену и перила на уровне талии, похожее на станок для балерин. Хромированные перила поднимаются вверх, регулируется под рост женщины.

– Руки на перила! – понижаю тон, требую, и она испуганно хватается за станок.

– Смотри на меня через зеркало! – мой голос не терпит отказов и пререканий, я говорю – она выполняет. Да, я давлю на нее властью, но это чертовски будоражит. И судя по ее дрожи, не только меня. Отодвигаю в сторону волосы, обнажая шею. Наклоняюсь, вдыхаю – вкусно. Не приторно-сладко, тонкий ягодный запах: малина, смородина и немного горчинки грейпфрута.

– Виталий, – с придыханием произносит Елена, пытаясь сопротивляться. Нет, золотце, ты моя. Мне нравится твоя неопытность, она меня возбуждает. Мне нравится твоя покорность, податливость и мне безумно нравится, что сейчас я тебя хочу. Мы совместимы. Тест в принципе пройден, но я хочу еще немного поиграть. Поднимаю голову, смотрю в глаза цвета виски и глубоко дышу в унисон с Еленой. Нащупываю молнию на спине и медленно расстегиваю.

– Виталий, – глаза умоляют, но их завлакивает дымка возбуждения.

– Молчи, просто стой и чувствуй, прислушайся к себе, – спускаю платье с ее плеч, обнажая грудь в черном бюстгальтере. Простое белье. Дешёвое, синтетическое.

– Нельзя вот так передавливать сосуды, – поддеваю лямку и демонстрирую ей красный след. – Это вредно. Подбери белье правильно, – расстегиваю застёжку и в ее глазах вновь вспыхивает паника. Елена поднимает руки, пытается задержать бюстгальтер.

– Руки, Елена! – слушается, сжимая перила. Отстёгиваю лямки, отшвыривая лифчик на пол. – Нужно сжечь эту ужасную вещь. Сейчас можешь закрыть глаза, – разрешаю я, потому что Елена втягивает живот, зажимается, стесняясь собственного тела. У женщин падает самооценка и развиваются комплексы от недостатка внимания. Никто не любит их тело и они не чувствую себя желанными. С этим тоже придется поработать. Я разрешаю ей не смотреть, чтобы немного расслабить. Грудь пышная, красивая с персиковыми сосками, которые уже возбуждены. С минуту люблюсь ими, а потом поднимаю ее грудь. Тяжелая, налитая, сколько всего я могу с ней сделать, и очень хочу, но пока рано.

– У тебя красивая грудь, я бы сказал, шикарная, мне нравится, – я буквально чувствую, как ее немного опускает, она рада, что мне нравится. – Скажи мне, Лена, как давно у тебя был секс? – веду кончиками пальцев по груди, обводя соски, вызывая ее всхлип. Ответ я уже знаю – очень давно, потому что несмотря на всю неприязнь к ситуации, отрицания, комплексы и страхи, она возбуждена. Ее тело никто не любил. Это большой плюс.

– Почти три года, – выдыхает она и вскрикивает, распахивая глаза, когда я сжимаю возбужденные соски.

– Очень хорошо, – наклоняюсь, ещё раз вдыхаю ее запах, сжимаю грудь и отпускаю, отходя к креслу. Отпиваю глоток воды, потому что я тоже возбужден, но на сегодня достаточно.

– Одевайся, мой водитель отвезет тебя домой. Завтра на твой счет поступят деньги, купи себе хорошее белье, чулки, рабочие платья, костюмы. Несколько платьев на выход, вечерние, и все, в чем нуждаешься. Косметику, туфли, сапоги. Посети салон красоты, СПА, все, что нужно. А послезавтра выходи на работу на прежнее место, – наблюдаю, как Елена быстро одевается и поправляет волосы, тяжело дыша. Она неудовлетворенна, я разбудил голод, но не накормил. Замечательно, возникает желание задрать платье и отыметь ее возле этого зеркала, но мы подогреем интерес.

– Мне не нужно столько одежды, – пытаюсь восстановить дыхание, говорит она.

– Мне нужно. Я хочу, чтобы в любой момент дня и ночи ты выглядела великолепно, – иду вместе с ней в прихожую, помогаю надеть пальто, шарфик, подаю сумку и наслаждаюсь ее состоянием.

– Я разрешаю тебе сегодня удовлетворить себя в ванной, не стоит терпеть, это вредно для надпочечников, – усмехаюсь и открываю дверь.

– А ты типа врач?! – дерзит она.

– Да, у меня медицинское образование. Доброй ночи, Елена, до встречи.

Глава 7

Елена

Вновь звонок будильника. Новый день. Как всегда, хочется спать, но что-то неуловимо поменялось в моем мировосприятии. Пока бужу Андрюшку, готовлю завтрак и принимаю душ, постоянно думаю над этим. Все как всегда, но, кажется, я перестала чувствовать себя уставшей, словно отдохнула и набралась новых сил. Кроме пополнения моего гардероба, Аронов ничего не решил. Так и я пока ничего ему не дала. Если быть честной перед собой, то моему телу понравились его прикосновения, мне нравилось, как он смотрел на меня с похотью, голодными глазами. Давно на меня так не смотрели, давно я не ощущала себя женщиной. Пусть это всего лишь физиология и желание быть желанной, но я впервые за несколько лет что-то почувствовала, и я не знаю, как на это реагировать. Наверное, хорошо, что мне не противен мужчина, которому я себя продаю. Не нужно будет терпеть, имитировать, все будет естественно и безболезненно. Не знаю, как отношусь к своему поступку и как буду объяснять маме, откуда у нас, взялись деньги. Можно, конечно, сочинить сказку про квоты, про помощь благотворительных фондов, про повышение на работе. Только я никогда не лгала своей матери. Но и сказать правду тоже не могу – она не примет такой помощи. Никогда. Все когда-то случается впервые. Я первый раз буду лгать матери и продавать себя.

Чувствую себя крепостной крестьянкой, на которую обратил внимание граф и превратил в содержанку. Захотелось барину испробовать простой женщины, и он ни в чем себе не отказывает.

Вчера мы с Кристиной весь день выбирали мне одежду, обувь и белье, чтобы граф был рад и ему не приходило в голову сжечь мои вещи. Моя карта пополнилась на очень крупную сумму, и я даже не представляла, как можно потратить столько денег на себя. Не представляла... пока Кристина не превела меня в один из магазинов одежды и от цен мне стало дурно. Но граф Аронов просил дорого-богато. Не буду лукавить, в новой одежде и белье я стала чувствовать себя увереннее. Я немного освежила прическу, предала волосам блеск, обновила маникюр и все же сходила на массаж. Кристина постоянно восхищалась моим поступком, словно я совершила подвиг. А я долго не могла уснуть, думая над моральной стороной своего поступка. Не покидало ощущение, что не будет так просто, как кажется. Я ведь даже никогда себя ни с кем не представляла, кроме как с мужем. Но первые деньги уже вложены и пришло время отдавать дивиденды.

Мы выходим с сыном на крыльцо, и я теряю дар речи, когда вижу, что нас ожидает та же машина и тот же парень водитель. Мы так не договаривались! Хватаю сына за руку, пытаюсь обойти машину.

– Елена Дмитриевна! – парень преграждает мне дорогу, и Андрюша сжимает мою ладонь.

– Мы поедem на автобусе, мне нужно завести сына в школу.

– Елена Дмитриевна, мы завезем вашего сына, – парень смысленный – видит, что ребенок испугался и улыбается ему, доброжелательно подмигивая. – У меня приказ. И это всего лишь моя работа. Все вопросы к Виталию Андреевичу, – виновато оправдывается парень, видя мое недовольство.

– Хорошо, – киваю ему и иду к машине, парень поспешно открывает нам дверь, и мы усаживаемся в комфортный салон автомобиля. Машина двигается с места, и Андрюша начинает с восхищением осматривать салон.

– Мам, смотри, как в кино, – шепчет он мне указывая на multifunctionальную сенсорную панель управления, сдержанно ему киваю, отворачиваюсь к окну. И как мне объяснить ребенку, почему нас возят на дорогой машине? Надо поговорить об этом с Виталием.

– А это "Mercedes-Benz C-Class"? – вдруг громко спрашивает мой сын.

– Андрей! – шикаю на него.

– Елена Дмитриевна, пусть спрашивает, если интересно, – отвечает водитель. – Да это «Mercedes-Benz C-Class, Premium», – отвечает он Андрюше, подмигивая в зеркало.

– Турбо? – не унимается Андрюша, – парень с улыбкой кивает. Боже, откуда он все это знает? Я уж точно ему этого не рассказывала. Хотя Андрей всегда выбирал игрушки-машинки и все тетрадки у него с разными автомобилями.

Несмотря на то, что я не называла адрес, водитель останавливается возле ворот Андрюшкиной школы. Аронов страшный человек, ещё несколько дней назад он не знал о моем существовании, а сейчас не удивлюсь, если он знает, какого цвета на мне трусы. Андрюшка счастливый от катания на машине «как в кино» бежит в школу, а мою персону везут на работы.

Когда водитель открыл для меня дверь, и я вышла возле главного входа в компанию, у нашей бухгалтерши отпала челюсть. Она в прямом смысле смотрела на меня с открытым ртом. Меня это не порадовало. Слухи о моей связи с главой мне были ни к чему. Объявлять о связи с Ароновым я не собиралась. Как-то я по-другому себе это представляла. Это, конечно, бред, но в моей голове, каждый кто встречался на пути, шептался за спиной.

Мое рабочее место осталось нетронутым, даже ручка лежала на том же месте, где я ее оставила. И Александра тоже была на месте. Девушка пила кофе с хмурым лицом, не смотря в мою сторону. Вот и хорошо – я не конфликтный человек и было бы здорово, если мы вообще не замечали друг друга.

– О, Елена Дмитриевна, хорошо выглядишь! – хихикает Кристина, присаживается на мой стол, протягивая мне кофе. Это наш ритуал – перед работой мы пьем кофе и болтаем.

– Смотри-ка, все новое надела. Это бордовое платье тебе идет, и широкая юбка не полнит тебя! А туфли так вообще сказка. Мне о таких только мечтать. Белье тоже надела бордовое? Вы сегодня встречаетесь? – беспечно спрашивает она, а меня корбит от ее вопросов.

– Тише! – осматриваюсь, убеждаясь, что нас никто не слышит.

– Я не знаю, когда мы встречаемся, меня не оповестили, – цокаю я, отпиваю кофе. Поднимаю глаза и так и застываю с чашкой в руках. В наш отдел проходит сам Аронов с каким-то мужчиной. Странно, потому что раньше он никогда не заходил лично, он только вызывал к себе. Весь отдел замолкает и воцаряется тишина. Кристина быстро спрыгивает с моего стола и царапает каблуком по полу, издавая режущий звук. Аронов окидывает меня взглядом, задерживаясь на моих ногах, которые я спешу спрятать под стол.

– Всем доброе утро, – голос у него уверенный, спокойный, но в каждом слове слышится власть. – Представляю вам вашего нового начальника Германа Львовича. Прошу любить и жаловать, – с усмешкой произносит он.

– Герман Львович, наведите порядок в отделе, – кидает он высокому мужчине лет тридцати семи, тот ему сдержанно кивает, потом они пожимают друг другу руки. Аронов опять скользит по мне темным взглядом и покидает отдел.

– Уважаемые сотрудники, я не знаю, чем вы тут занимались с прежним начальником, но со мной все будет иначе, – немного хриплым голосом заявляет мужчина. – И начнем мы с того, что пить кофе и вести нерабочие беседы вы будете только в обеденный перерыв! – окидывает нас недовольным серым взглядом, особенно Кристину, которая застыла с чашкой в руках. – Всем плодотворного дня! – новый начальник скрывается в своем кабинете, и все выдыхают.

– Ого, перемены! – Кристинка опять облокачивается на мой стол. – Аронов из-за тебя уволил Егорыча! – восхищённо произносит она. Мы не сговариваясь переводим взгляд на Александру, которая старательно красит губы бордовой помадой. – Ну да, этот-то помоложе и привлекательнее, чем Егорыч будет, – специально повышает голос, но Александра не реагирует, она наносит на шею духи. А потом демонстративно встаёт с места, хватая папку с отчетами и стуча каблуками идет в кабинет начальника. – Спорим, у нее ничего с новым начальником не получится?

– Да плевать, лишь бы это не отражалось на нас, – отмахиваюсь я, принимаясь за работу.

Рабочий день проходит напряженно. Новый начальник не даёт расслабиться, гоняя всех, проверяя документацию. Александра в мыле, уже не красит губы, а переделывает свои отчеты, чем веселит Кристину, которая постоянно ехидно усмехается, посматривая в ее сторону.

Под конец рабочего дня Герман Львович уходит и все расслабляются, начиная медленно собираться домой, только Александра тупо смотрит в монитор, выискивая ошибки.

– До конца рабочего дня двадцать минут! Поэтому не вижу причин расслабляться – заявляет начальник, как только входит в отдел.

– Елена Дмитриевна, возьмите последний отчет, Вас хотят видеть на встрече с партнёрами.

– Меня? – сказать, что я удивлена, ничего не сказать.

– Да. Кто, как не вы, можете в подробностях разложить все по полочкам. Я ещё не успел войти в курс дела. Пойдемте, нас уже ждут, – поднимаюсь с места, беру отчет и иду за новым начальником, – хочется спросить – «что происходит?», но я сдерживаюсь.

Как только мы входим в кабинет Аронова, где сидят несколько мужчин и женщина, уже что-то обсуждая и смотря на монитор, я начинаю соображать, в чем дело. Граф Аронов веселится. Он удовлетворенно улыбается, когда замечает меня и кивает мне на кресло рядом с ним. Виталий забирает у меня из рук папку, пока женщина распинается, что-то рассказывая о преимуществах их компании. Наш новый начальник изучает какие-то бумаги и только одна я внимательно слушаю женщину. Совершенно не соображаю, зачем здесь я со своим отчетом и что за игру ведет Аронов. Медленно выдыхаю, пытаюсь расслабиться и вести себя естественно. Аронов начинает задавать вопросы, пододвигает к себе ноутбук, разворачивает его экраном к нам таким углом, что больше никто не видит экран, на котором открыт пустой лист ворда. Он продолжает слушать мужчин, даже кивает, иногда снисходительно улыбается, а сам настраивает шрифт побольше. А я ловлю себя на том, что слежу за его пальцами, рассматриваю руки и меня уже не пугают шрамы, потому что эти грубые руки... Черт!

«Ты прекрасно выглядишь» – пишет он мне, даже не поворачиваясь в мою сторону и на мою коленку ложится тяжелая рука.

«Тебе идет это платье» – дышу глубже, переводя взгляд на Виталия, который продолжает беседовать с седовласым мужчиной. И я опять слушаю, если скажу, что мне неприятны его комплименты. Мне очень давно никто не говорил, что я хорошо выгляжу. Но напрягает его ладонь, которая по-хозяйски медленно скользит по моей коленке, то немного задирая платье, то возвращая его назад.

«Ты купила новое белье?» – Аронов убирает руку от клавиатуры и отпивает немного воды. Это значит, что я должна отвечать в той же форме? «Ты надела его сегодня?» – а я не собираюсь обсуждать с ним белье на совещании. Посматриваю на часы и понимаю, что рабочее время закончено, я задерживаюсь по милости графа и не могу даже позвонить маме и сказать, чтобы не волновалась. Сажу тут и чувствую себя лишней. Переговоры, незнакомые деловые люди, мой новый начальник, который участвует в переговорах, Аронов весь такой высокомер-

ный, расслабленный хозяин жизни. На нем тёмно-серый костюм вновь с воротником стойкой, белоснежная рубашка, запонки, часы с широким кожаным браслетом и холодный запах мяты с горчинкой лайма. А я совершенно не вписываюсь в эту компанию.

«Отвечай! На вопросы!» – после каждого слово даже не точка, а восклицательный знак. Вновь перевожу на него взгляд и вижу, как он спокойно ведёт беседу, мучая людей вопросами, к которым они не готовы. Рука на моем колене сжимается, я пытаюсь ее убрать, но он шлепает меня по ладони. Ощутимо и больно, продолжая сжимать мое колено.

«Да» – быстро отвечаю и, кажется, на нас уже посматривает Герман Львович.

«Умница» – хвалит меня как школьницу.

«Сейчас я пойду провожать этих людей, а когда вернусь, хочу, чтобы ты сняла с себя это великолепное платье, колготки и осталась только в белье и туфлях» – Он серьезно?! Перевожу взгляд на Аронова, но он прощается с партнерами. Откуда он узнал, что на мне колготки? Под юбку он мне не заглядывал.

«Я так не могу. Мы на работе»

«Исполнять!» – кидает он мне и, кажется, я даже слышу властные нотки и приказной тон. Виталий поднимается с кресла и выходит вместе со всеми.

Глава 8

Елена

Кабинет пустеет, а я так и сижу перед ноутбуком и смотрю на слово «исполнять!». Мы не договорились о том, что я буду выполнять приказы. Хотя нет, договорились. «Ты делаешь всё, что я хочу, в любое время дня и ночи» – так, кажется, говорил Аронов. Встаю с кресла, тяну руки к замку платья, а потом сажусь назад. Не могу я так, как послушная кукла. Неужели нельзя просто заняться сексом, а не играть в игры. Графу Аронову, видимо, все приелось, и традиционным сексом он не занимается. Боже, зачем я на все это согласилась!

Мысли путаются, сердце стучит где-то в висках, когда слышу шаги Аронова. Он входит в кабинет, запирается на замок, окидывает меня удивленным взглядом. Не привык граф к отказам. Он молча проходит к небольшому бару, наливает пару бокалов белого вина, и так же молча идет ко мне.

– Спасибо, я не хочу, – отказываюсь от вина, когда он протягивает мне бокал.

– Советую выпить, – вручает мне вино и садится в свое огромное кожаное кресло.

– Итак, почему ты не разделась? – спрашивает он, а меня пугает его спокойствие.

– Ммм... – всё-таки отпиваю вина, отмечая его необычный вкус. На вид простое, белое, а на вкус как сливовое. – Я не думаю, что это хорошая идея, – Виталий на мгновение прикрывает глаза и откидывается на спинку сидения, принимая расслабленную позу.

– Если бы мне нужно было, чтобы женщина ломалась, стеснялась, и закрывалась от меня, – устало говорит он, смотря куда-то в потолок, – я бы нашел себе девственницу, – он садится ровно, ставит бокал на стол, разворачивается ко мне, дёргает мое кресло к себе, настолько резко, что вино выплескивается мне на платье. – Мы так не договаривались, Елена! Кажется, я объяснил правила и то, чего я от тебя хочу! Поэтому, будь добра, разденься и делай все, что я говорю! – с раздражением кидает он мне и одаривает темным пронзительным взглядом.

Сглатываю, теряя желание спорить. Его глаза пугают, там черная бездна и что-то звериное, страшное, маниакальное, я бы даже сказала – нечеловеческое. По коже проходит озноб, дыхание спирает. Не смею больше перечить, встаю с места, отхожу к небольшому дивану, завожу руки за спину, пытаюсь расстегнуть молнию, но она как назло заедает или я слишком нервничаю и руки не слушаются. Начинаю злиться от того, что не получается красиво раздеться. Боже, наверное, я выгляжу нелепо! Дергаю сильнее и всхлипываю, поскольку в замке запутались волосы. Аронов вздыхает, встаёт с кресла, разворачивает меня к себе спиной, сильно сжимая мои напряженные плечи. Быстро справляется с молнией на минуту задерживается, проводя кончиками пальцев по моей шее, а потом отходит, оставляя на моей коже ожог от прикосновения. Не знала, что кожа, тело может скучать по мужчине, по контакту и прикосновениям. Это выше меня, физиология берет свое – мне действительно необходим секс. Глубоко вдыхаю, пытаюсь преодолеть себя, и снимаю платье через голову, кидая его на диван. Ну почему я такая дура?! Нужно было раздеться, когда Виталия не было или хотя бы надеть чулки. Снимать колготки – совсем несексуально, особенно когда за тобой внимательно наблюдают.

Стягиваю колготки, присаживаюсь на диван, снимая их до конца, и надеваю назад туфли, поднимаюсь на ноги. Наступает тишина, я слышу только свое дыхание и стук сердца. Неловко, немного прохладно, и почему-то хочется плакать, словно я обнажилась и раскрылась душевно. Будто Аронов заглядывает мне в душу и выворачивает ее наизнанку. Пытаюсь сдержаться,

опускаю глаза в пол, быстро моргаю, дышу глубоко. Я не могу заплакать! Это будет выглядеть еще нелепее!

– Иди сюда, – Аронов встаёт с кресла, сдвигает ноутбук и бумаги в сторону, снимает пиджак, вешая его на спинку своего кресла, и вновь садится, расставляя ноги. Делаю шаг, второй и чёртовы слезы всё-таки срываются, стекая по щекам, ещё пару шагов вызывают поток беззвучных слез. Я сама не понимаю, что со мной происходит. Ну мужчина, ну попросил раздеться, а я рыдаю, как будто иду на казнь. Подхожу к столу и уже не могу скрыть проклятых глупых слёз. Ох, не то хотел видеть Аронов, чувствую, что на этом наши рыночные отношения и закончатся. Зачем ему неадекватная любовница?

– Садись на стол, – командует он, хлопая по столешнице из темного дерева, – хочу возразить, но сопротивляться нет сил. Залезаю на стол, и Аронов придвигается ко мне, он разводит мои ноги и ставит их себе на колени, но смотрит в глаза. Кажется, ему все равно, что я плачу. Может, его возбуждает именно это? И поэтому он выбрал меня, дуру, чтобы я рыдала каждый раз? Аронов обхватывает мои щиколотки и ведет ладонями вверх, лаская мои ноги. Странные ощущения – мне приятны его прикосновения и одновременно хочется рыдать еще больше, но уже уткнувшись ему в грудь, и чтобы он так же гладил меня.

– Плачь, Елена, можешь не сдерживаться. Обнажайся, моя хорошая, выплесни все. Давай уже сегодня перешагнем этот барьер, – говорит он, но не приказным тоном, а спокойно, успокаивающе. – Не нужно стесняться своего тела, – его руки ложатся мне на колени, и пальцы начинают ласкать внутреннюю сторону бедра. – Ты красивая женщина, расслабься, выпрями спину и веди себя естественно, – задевает пальцами кромку трусиков, продолжая смотреть в лицо. И мне уже не хочется плакать, но напряжение не проходит, хочется прикрыть ноги, живот в растяжках, грудь эту тяжёлую. – Выдохни, Елена. Дыши, глубокий вдох и медленный выдох, – его голос становится бархатным, гипнотизирующим. – Следи за моими руками, – он подается ко мне ближе, окутывая меня свежим холодным запахом. Одну руку он оставляет на моей ноге, а другой ведёт выше, по трусикам к животу, начиная поглаживать, немного щекоча и одновременно вызывая табун мурашек. – У тебя нормальный животик. Не плоский, но естественный и красивый.

– Не нужно льстить, я прекрасно понимаю, что вот эти растяжки – это безобразно, – выдаю я, начиная злиться, что он непонятно зачем льстит мне. А Аронову смешно, он искренне смеется, запрокидывая голову, и начинает расстёгивать свою рубашку. Быстро справляется с пуговицами, распахивает рубашку и демонстрирует мне грудь в хаотичных шрамах. Их много, разнообразных – ожоги всплесками, словно на него выплеснули кислоту, и резаные полосы. Застываю, рассматривая рубцы, и прихожу в ужас, представляя, что перенес этот мужчина, какую боль он терпел.

– Вот это безобразно, а у тебя все естественно. Ты настоящая, натуральная и красива именно этим. Эти полосы значат, что ты мать. И это прекрасно, – а я мотаю головой, шокированная его травмами. Это не безобразно, шрамы не портят его сильное тело, они придают ему ещё большей силы и мужественности. – Лена! Смотри мне в глаза! – приказывает, и в этот раз я подчиняюсь, заглядывая в его темные глаза. – У тебя красивая пышная грудь, – продолжает говорить Виталий, вновь глядя внутреннюю сторону бедра, слегка, как будто нечаянно задевает костяшками пальцев мои складочки через трусики, посылая по телу волну жара и приятного волнения, вынуждая сжимать столешницу. – Да она немного тяжелая, но это красиво. Сними бюстгальтер, покажи мне себя, – просит Аронов, но в голосе все равно приказные ноты.

Спокойно завожу руки за спину, немного подрагивая от того, что его наглые пальцы уже настойчивее поглаживают трусики, но слегка, еле касаясь. Снимаю бюстгальтер, опуская его на стол. Вдыхаю, грудь колыхнется и соски твердеют, то ли от холода, то ли от возбуждения.

– Вот так, привыкай ко мне. К моим рукам, голосу, губам, – наклоняется и впервые меня целует, но не в губы, а в ноги, проводит горячими губами по бедрам и всасывает кожу. – Я буду ласкать тебя, иногда нежно, – кружит пальцами по клитору через ткань трусиков. Низ живота приятно тянет, становится жарче, его голос уже пьянит, грудь вздымается, и я откидываюсь назад, сдерживая стон. – А иногда, грубо! – его голос становится металлическим и властным. Он грубо сжимает мое бедро и одновременно надавливает на клитор. Стон все-таки срывается с губ, щеки горят от того, что я увлажняюсь, трусики промокают, и Виталий это чувствует. – Иногда будет больно, но эта сладкая боль! – Аронов обхватывает мою грудь, сжимает сильно, не щадя меня, щипает за сосок, одновременно пробираясь под трусики. И мне действительно хочется еще этой боли. – Я буду управлять тобой! Приказывать! А ты должна беспрекословно выполнять! И тогда ты станешь идеальной женщиной для меня, – Аронов раскрывает мои складочки, распределяя влагу по клитору, а я уже постанываю в голос, царапая столешницу. Ноги дрожат и сжимаются сами по себе, потому что это невыносимо хорошо. У меня так давно не было оргазма от мужских рук, что меня начинает трясти. Его руки оставляют ожоги на моем теле. Сейчас он далеко не нежен. Виталий груб и агрессивен, он тяжело дышит, продолжая сжимать соски, причиняя сладкую боль, разливая по телу жгучее возбуждение. Никогда не получала удовольствие от грубости, наверное, потому что меня ещё никто и никогда так грамотно к ней не подводил.

– Кончай! – четкий приказ. Виталий сжимает пульсирующий клитор, и меня разрывает на осколки от мощной волны оргазма, которая проходит через все тело, вынуждая выгнуться и стонать. Никогда не кричала во время секса, иногда тихо постанывала, все время контролируя себя, а сейчас потеряла контроль. Нет, я отдала его Виталию.

– Умница! – получаю похвалу и поднимаю голову, смотря сквозь пелену экстаза на триумфально улыбающегося Виталия, который поправляет трусики и слизывает мою влагу со своих пальцев. Так не бывает, но по моему телу проходит ещё одна волна возбуждения. Меня шокирует этот его жест, кажется таким грязным и одновременно приводит в восторг. Наверное, с этого момента я перестану стесняться показывать ему свое тело. Если он вытворяет такие вещи, значит я явно ему нравлюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.